

Почему же он не может держать язык за зубами?

...

Центральная больница города Шанцзин.

— Кто я?

— Вас зовут Цзин Чэн, вам 18 лет, вы студент, родители живы, есть старший брат и младшая сестра. Я уже много раз отвечала на этот вопрос. Если есть сомнения, спросите, когда приедут ваши родственники, хорошо? — молодая красивая медсестра ответила, стараясь сохранять терпение, хотя в душе закатила глаза.

Один и тот же вопрос она слышала уже раз десять — кто угодно бы вышел из себя.

К тому же, у пациента лишь легкое сотрясение мозга, а не умственная отсталость. У неё были свои принципы: она не собиралась потакать капризам этого богатенького сынка, решившего поиграть в потерю памяти!

Получив в который раз один и тот же ответ, Цзин Чэн решил больше её не мучить и, озадаченно потирая затылок, откинулся на подушки.

Медсестра сменила ему капельницу и неторопливой походкой покинула палату.

Цзин Чэн коснулся ноющего затылка. Вопросов у него было хоть отбавляй.

Он действительно Цзин Чэн, но ему 24 года, он никогда не учился, родители давно умерли, и никаких братьев или сестер у него отродясь не было.

Что вообще происходит?

Вскоре в дверь постучали: тук-тук. Не дожидаясь приглашения, кто-то снаружи сам повернул ручку и вошел.

Цзин Чэн, прикрыв забинтованную голову, поднял взгляд на вошедшего.

Мужчина был высокого роста, в дорогом, безупречно сшитом костюме. Черты лица — резкие, волевые, при внимательном рассмотрении — смутно напоминающие самого Цзин Чэна, только вот выражение глаз холодное, словно покрытое инеем.

Цзин Чэн озадаченно уставился на него.

Холодный голос гостя раздался прямо над головой:

— Слышал, ты стал умственно отсталым?

Цзин Чэн: «?»

Нет, ты вообще кто такой? С чего это ты начинаешь разговор с оскорблений?

Цзин Жун как раз собирался с работы, когда ему позвонил отец.

Он помассировал переносицу, несколько секунд смотрел на экран, после чего с неохотой нажал кнопку ответа.

Отец Цзин, по-видимому, не осознавал, насколько он неприятен собеседнику, и сразу перешел к делу:

— Твой младший брат нашелся.

— ... — в отношении этого «младшего брата» Цзин Жун всегда предпочитал хранить молчание.

— Он был главным героем того взрыва в уезде Суй несколько дней назад.

Цзин Жун нахмурился.

Хотя по тону отца казалось, что он просто констатирует факт, Цзин Жун уловил в его словах нечто иное.

Вспомнив всё, что происходило раньше, он неосознанно сжал телефон в руке:

— Что вы имеете в виду?

Тон отца не изменился:

— Наследником клана Цзин всегда будешь только ты, тебе не о чем беспокоиться.

Цзин Жун помолчал, а затем спросил:

— Вы хотите сказать, что инцидент с Цзин Чэном — моих рук дело?

На том конце провода промолчали, но трубку не положили.

Очевидно, это было молчаливое признание.

Что за старый мерзавец?

Цзин Жун от гнева усмехнулся:

— Вы думаете, я стану нанимать людей, чтобы похитить его? Этого никчемного отброса?

— Он твой брат.

— Моя мать родила только меня. У меня нет брата.

— ... — Отец Цзин на мгновение задохнулся от возмущения, но всё же жестко отрезал: — Я распорядился перевести его в центральную больницу. Мне плевать, что ты делал раньше, но сегодня ты обязан приехать и навестить его.

Смягчив тон, он добавил:

— Я знаю, что твой брат раньше вел себя очень скверно, но он уже получил урок, а теперь еще и повредил голову и никого не узнает, так что не будь с ним так строг.

— ...

Цзин Жун сбросил вызов.

Этот его «брат» каждый день балансировал на грани закона, совершая всё новые и новые злодеяния, — и в глазах отца это всего лишь «скверное поведение»?

Цзин Жуну нечего было сказать о таком родителе, который избирательно закрывал глаза и уши на правду.

На том конце провода, видимо, разозлились из-за внезапного разрыва связи, но перезванивать не стали.

Цзин Жун взглянул на время: пора заканчивать работу.

Приехать к нему он, конечно, придет. Не ради чего-то иного, а чтобы проверить, действительно ли его дорогой «братец» «повредил голову и никого не узнает».

Посмотрим, какую еще пакость выкинет этот «младший брат».

Центральная больница города Шанцзин, VIP-палата.

Комната была просторной и светлой. На прикроватной тумбочке стояла красивая ваза с несколькими нежными лилиями. Рядом располагалась небольшая книжная полка, на которой лежал учебник по новейшей истории — видно, что его недавно листали.

По большому ЖК-телевизору шел классический сериал про войну.

— В атаку-у-у!

— Тра-та-та-та-та!

— ...Я не могу умереть вот так, как трус! Если уж умирать, то в пылу сражения!

— Продолжать наступление!

Палата наполнялась криками солдат и драматичной музыкой, подогревающей и без того напряженную атмосферу.

Цзин Чэн сжал кулаки, широко раскрытые глаза не мигали.

Именно в такой сцене застал его Цзин Жун, когда открыл дверь.

Голова юноши была обмотана толстым слоем бинтов, короткие черные пряди волос спадали на лицо, частично скрывая изящную, белую шею. Лицо — чистое, как нефрит, кожа почти прозрачная, большие глаза, ясный взгляд, плотно сжатые тонкие губы — во всем облике читалось упрямство.

Он был одет в белоснежную больничную пижаму, которая казалась слишком большой и делала его лицо еще более утонченным. Нижняя часть тела была укрыта одеялом, и сам он выглядел донельзя жалко.

Цзин Жун замер. Казалось, он впервые по-настоящему посмотрел на своего «брата» и был неожиданно поражен этой красотой.

Но быстро пришел в себя и нахмурился.

Золото снаружи, гниль внутри.

Благодаря своей практике культивации Цзин Чэн всегда обладал острым слухом. Несмотря на оглушительный шум телевизора, он уловил едва заметный звук открываемой двери.

Цзин Чэн поднял взгляд на вошедшего и тоже замер.

Его заминка была вызвана не тем, что этот человек был на него похож, а странным, необъяснимым чувством узнавания.

<http://bllate.org/book/27233/3301921>